Энциклопедия по модели «общего дела».

О XVII Международных научных чтениях памяти Н.Ф. Федорова (7–10 июня, Боровск — Москва)

А.О. Горская

Анна Олеговна Горская, главный библиограф Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова при Библиотеке №180 Юго-Запада Москвы. Москва, ул. Профсоюзная, 92. E-mail: gorskaja@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-198-207

С 7 по 10 июня 2018 года в Москве и г. Боровске Калужской области прошли XVII Международные чтения, посвященные памяти выдающегося российского мыслителя, родоначальника традиции отечественного космизма, теоретика и практика музейного и библиотечного дела, педагога-новатора Николая Федоровича Федорова (1829–1903).

Первый день чтений, совпавший со 189-м днем рождения Московского Сократа, как Федорова назвал С.Н. Булгаков, прошел в Боровске. Ровно 30 лет назад, с 14 по 15 мая 1988 года здесь состоялись Первые Федоровские чтения, что вполне закономерно, ведь Боровск называют столицей не только старообрядчества, но и русского космизма. С осени 1866 по весну 1867 года Федоров преподавал в здешнем городском училище историю и географию. А с 1880 по 1892 год арифметику и геометрию тут же читал Константин Циолковский.

Пленарное заседание, открывшее чтения 7 июня, было посвящено той первой конференции, «возвращению» ее лиц, ее времени, когда произошло, по сути, невозможное: два боровских художника — Владимир Гурьев и Игорь Солдатенков — убедили местные власти организовать масштабные чтения памяти ключевого российского христианского философа.

Центральной фигурой начального дня XVII чтений заслуженно оказался первый из них, главный инициатор и организатор стартовой конференции, художник, поэт и философ Владмиир Евгеньевич Гурьев (1946–1993). Он один из тех, благодаря кому участники чтений увидели Боровск примерно таким же, каким его запомнили Федоров и Циолковский. В 1980-е годы вместе с товарищами по ВООПИК Гурьев защищал от бездумной застройки и сноса оставшийся с купеческих времен центр Боровска и Пафнутьев-Боровский монастырь, основанный в 1444 году, добился реставрации (и сам

реставрировал) храм Спаса Преображения на Взгорье, стоящий с 1804 годы на главной площади. Именно благодаря Гурьеву боровский дом Циолковского был приведен в музейный статус. Вместе со своим другом, краеведом, историком русской традиционной культуры Александром Бойко они разработали проект превращения Боровска и его окрестностей в ноосферный архитектурно-ландшафтный заповедник. Увы, как рассказал в своем докладе на нынешних чтениях *Александр Бойко*, город-музей и сегодня остро нуждается в защите. В 2010 году, когда совместным приказом Минкульта и Минрегиона перечень исторических городов России был сокращен более чем в 11 раз, Боровск тоже попал под эти «ножницы». С тех пор началась и длится томительная, а для целого ряда объектов историко-культурного наследия прямо фатальная история возвращения ему статуса «исторического поселения федерального значения».

«В Калужской области было 9 исторических городов, а теперь их просто нет. Я хотел бы задать вам вопрос: как нам это вернуть? Или мы должны иметь голые, гладкие стены магазинов, фабрик? Федоров писал, что "музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь, а не отнимать ее". Это значит, что каждое археологическое открытие — это память о лицах, каждый дом, в котором жил солдат, погибший за Боровск, — это память об этом человеке. Если мы уничтожаем этот дом, мы теряем эту память. Я вас прошу не допустить уничтожения культуры, потому что это скажется на нас. Не будет памяти — не будет нас», — обратился Бойко к участникам конференции, своеобразно «вернув» их в реальность 1988 года, когда они с Гурьевым заставили свой город не только говорить о Федорове, но и «делать как он», отстаивали (и отстояли) подлинность Боровска, подняли, по выражению его первого мэра и энтузиаста Владимира Канунникова, «народное движение по сохранению места, его истории, его памятников».

Центральной темой второго и третьего дня чтений стал недавно запущенный под эгидой ИМЛИ РАН научный проект «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия», цель которого — представить в систематизированном виде основные достижения федороведения XX–XXI веков в России и за рубежом, собрать целостный и авторитетный свод знаний о философе, стать путеводителем по его творческому наследию и федоровиане XX века, продемонстрировать значение идей Федорова для современности.

Как отметила в своем вступительном слове член-корреспондент РАН, глава Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН *Наталия Корниенко*, проект энциклопедии задуман в точном следовании академической традиции: ему предшествовало издание полного собрания сочинений Федорова, дополненное исследовательскими томами-спутниками и научными монографиями составителей федоровского пятитомника.

В выступлении доктора филологии, в.н.с. ИМЛИ РАН, руководителя проекта «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия» *Анастасии*

Гачевой указанная «линейка» была дополнена и другими вехами федороведения XX–XXI веков. Эта почти 120-летняя история исследования и предъявления наследия Н.Ф. Федорова началась выходом в 1906 и 1913 годах двух томов «Философии общего дела», подготовленных учениками мыслителя — Н.П. Петерсоном и В.А. Кожевниковым. Среди других ее вех — труды и издания свободных мыслителей советской России 1920–30-х годов — А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, пытавшихся через Федорова расширить аксиологию коммунистического проекта; предшествовавшая Второй мировой войне и послевоенная рефлексия русской эмиграции (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, В.Н. Ильин); «возвращение» Федорова в Советском Союзе 1960-х — в связи с всплеском интереса к истории космонавтики; работы и публикации Светланы Семеновой 1970–1990-х годов, ставшие опорой нового федороведения. Наконец, сами Федоровские чтения, на которых в 2009 году, благодаря сербскому философу, переводчику и издателю Владимиру Меденице, и родилась идея энциклопедии.

Очерчивая ее будущие контуры, Анастасия Гачева определила основные тематические и проблемные векторы, по которым будет строиться работа над проектом. Это, в числе прочего: научная реконструкция биографии Федорова, изобилующей лакунами; установление философских, богословских, этических, эстетических источников федоровского «супраморализма»; исторически-конкретная разработка темы философского взаимодействия Федорова с его современниками (Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, В.С. Соловьевым и др.); систематизация с позиций философии, культурологии и языкознания базовых концептов «Философии общего дела»; определение ее места в истории европейской и мировой мысли и ее влияний на русский религиозно-философский ренессанс, искусство Серебряного века, идейный горизонт пореволюционной эпохи («третья революция духа») и т. д.

Говоря об общей организации и структуре будущей энциклопедии, Анастасия Гачева указала на ее близость к первой в отечественной философской науке персональной энциклопедии — Розановской. Подобно ей, в Федоровской за основу будет принят не алфавитный, а тематический принцип подачи материала, окажутся широко представлены понятия, в том числе авторские, характеризующие особенности федоровской мысли, каждый предмет или лицо, выведенные в словарную статью, станут рассматриваться не как самодостаточное явление, а в привязке к главному герою проекта. Также в качестве желаемого образца было отмечено широкое цитирование текстов философа, на которое решились составители Розановской энциклопелии.

Но будут, разумеется, и отличия. Создатели Розановской энциклопедии ограничили систематизируемый материал хронологическими рамками жизни В.В. Розанова, энциклопедия «Н.Ф. Федоров» будет содержать специальный отдел «Fedoroviana», посвященный влиянию идей мыслителя на философию, литературу,

искусство, научную и инженерную мысль XX века. Кроме того, принципиальной особенностью Федоровской энциклопедии окажется ее междисциплинарный характер. Помимо историков философии в ней примут участие представители других областей гуманитарного и естественнонаучного знания и практики: историки, филологи, музееведы, библиотековеды, педагоги, биологи, физики, экологи и педагоги.

«Как Федоров ожидал синтеза наук вокруг общего дела, так и мы должны его устроить», — прокомментировала этот момент Анастасия Гачева.

В ряд уникальных черт Федоровской энциклопедии необходимо добавить также то, что она будет существовать одновременно в двух форматах: бумажном и сетевом. О последнем рассказал на конференции его будущий куратор, ведущий аналитик центра обработки электронных и мультимедийных данных РГГУ *Сергей Петров*. Сайт энциклопедии будет создан им на платформе MediaWiki — программного обеспечения, написанного специально для «Википедии». На том же вики-движке работает и портал московского Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова — nffedorov.ru, один из немногих долгожителей Рунета, который, постоянно модернизируясь, существует с 1999 года. Им также руководит Сергей Томасович.

Свой выбор средств «Википедии» он обосновывает тем, что это ПО гарантирует своим пользователям непрестанное развитие и открытость. Сущностно важен и сам принцип коллективной работы в режиме реального времени, предполагающий сохранение абсолютно всех предыдущих версий и правок. Кроме того, новый сайт должен иметь возможность «перекликаться» с порталом nffedorov.ru, его по-настоящему бесценной библиотекой. Академическое собрание сочинений Федорова здесь не просто оцифровано, а хранится в нескольких удобных форматах: это вычитанный Word и Pdf с распознаванием. Их уже несколько лет дополняет указатель произведений с доступом к каждому тексту, а в данный момент создаются аналогичные именной и предметный указатели. Также Петровым скоро будут выложены первые результаты его работы над частотным словарем Федоровских словоформ.

В ходе начавшейся вслед за установочными докладами дискуссии сразу же наметился ключевой проблемный сюжет будущей энциклопедии: коллизия фундаментального, собственно-философского и проективного, жизнестроительного полюсов.

Энциклопедический портрет Федорова, блестящего постклассического философа и одновременно «пророка» новейшего времени, призывавшего, ответив на завет Христа, возвратить жизнь умершим, портрет федоровианы XX–XXI веков, объединяющей последователей и продолжателей идей общего дела, наконец, сам по себе выбор доминантной интонации готовящегося труда целиком зависят от самоопределения его авторского коллектива между названными точками.

Как и в любом споре, мнения тут оказались различными.

Так, для доктора философии, декана факультета религиоведения Московского православного института *Владимира Варавы* Федоров — это прежде всего глобальная, в масштабах всей европейской философской культуры, фигура, тот, кто впервые со времени первых христиан «поставил вопрос о смерти», рутинизировавшийся и банализированный в истории нашей эры.

Чем считать саму по себе Федоровскую философию воскрешения, как к ней относиться — как к научному проекту, утопии или ереси — не суть важно, убежден Варава. Главное, на его взгляд, — тот этический импульс, то «прикасание к смерти в аспекте нравственного долга перед умершими», какое дает Федоров.

По мнению *Евгения Титаренко*, кандидата философских наук, доцента Санкт-Петербургского госуниверситета, Федорова не стоит рассматривать вне, за пределами его текста. Это не более и не менее как уникальный «автор», который «своим языком, своей конструкцией, ее ритмом, попыткой обратиться одинаково понятно к ученым и неученым — создал неповторимый текст, укладывающийся в мировую традицию христианского универсализма».

Противоположную позицию занял *Игорь Артюхов*, биофизик, член координационного совета Российского трансгуманистического движения. Свой доклад, посвященный современному научному иммортализму, предлагаемым им подходам к максимальному увеличению продолжительности жизни (а в пределе — к победе над смертью), он начал с того, что: «Философия общего дела — это очень конкретная концепция, и понимать ее надо совершенно буквально, пусть и с учетом тех реалий, в которых она создавалась. Общее дело — это дело, то, что надо делать руками».

При этом нельзя не оговорить существеннейшего отличия трансгуманистического извода «общего дела» от его Федоровского оригинала. Эта особенность, проявившаяся также в позиции Игоря Валентиновича, была отрефлексирована в докладе аспирантки кафедры философской антропологии философского факультета МГУ *Анастасии Криман*. Она подчеркнула, что если трансгуманисты замкнуты на самих себе, стремятся возродить себя либо в новом качестве, либо буквально, то для Федорова главной задачей человечества было воскрешение отцов.

Возвращаясь к обозначившемуся в ходе простраивания образа энциклопедии столкновению векторов «знания» и «действия», приведем резюмирующую реплику Анастасии Гачевой, заявившей о необходимости диалектического подхода к этим рабочим противоречиям, снятия их через саму фигуру Федорова:

«Федоров — проективный философ, и это должно быть отражено в энциклопедии. Поэтому мы будем выводить его философию на современность — в статьях о проблемах смерти, бессмертия, регуляции природы, идее выхода в космос и др. Но мы не должны отказываться и от качества фундаментальности. Потому что

сам Федоров, восставая против формата энциклопедии, которая "засушивает" знание, разводя его с действием, одновременно был в лучшем смысле этого слова энциклопедистом. Он в некотором смысле — модель того, как нам предстоит показать его наследие. Все знание прошлого наполнялось в нем новыми смыслами, всецело и без остатка подчинялось его проективному идеалу, не существовало вне силового поля главной идеи».

Большинство докладов второго и третьего дня конференции представляли из себя попытки обрисовать первые контуры будущих энциклопедических статей. Показательно, что они оказались объединены не описательной, а эвристической стратегией: Федоровская энциклопедия будет прежде всего связана с открытием новых документальных материалов и исследовательских ракурсов, новых контекстов федоровской мысли и ее неочевидного присутствия в трудах современников и потомков — от философов до изобретателей.

Кандидат философских наук, доцент Института лингвистических исследований РАН *Наталья Козловская* и доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова *Лариса Шестакова* представили на конференции проект своей статьи «Язык Н.Ф. Федорова». В ней впервые в федороведении будет целостно представлен языковой облик «Философии общего дела» (на всех уровнях — от орфографического до синтаксического), проанализированы принципы и приемы, лежащие в основе организации этого корпуса текстов. Особое внимание планируется уделить ядру федоровского лексикона — его авторским философским терминам, отражающим концептуальный уровень учения общего дела и образующим единую систему. Козловская и Шестакова выделяют несколько механизмов ее порождения, в их числе — терминологизация общеупотребительных слов («отцы», «совершеннолетие», «сыны») и переосмысление известных научных, философских, богословских понятий («социализм», «материализм», «Пасха», «литургия», «крещение», «сверхчеловек»). Наиболее же типичным для Федорова ими признан «синтаксический путь» терминотворчества с его двухкомпонентными атрибутивными словосочетаниями, образующимися путем согласования и управления: «музей с вышкой», «продовольственный вопрос», «санитарный вопрос», «общее дело».

Учитывая, что этот словесный аппарат дает наиболее яркое, показательное языковое проявление федоровского супраморализма, авторской терминосистеме планируется посвятить также отдельную статью. Кроме того, в предварительном словнике энциклопедии намечены и такие темы, как «Общий язык», «Филологическая Пятидесятница», «Лингвистические взгляды Н.Ф. Федорова».

Представление биографического блока энциклопедии состоялось в формате дискуссии *Анастасии Гачевой* с архивистом *Валерием Богдановым*, в свое время установившим точную дату рождения Федорова, и историком, доцентом Воронежского государственного университета *Александром Акиньшиным*, реконструировавшим

на основе переписки, газетных публикаций, архивных документов воронежский этап жизни и деятельности Федорова (книга «Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901)», опубликованная им в соавторстве с Олегом Ласунским в 1998 году).

В ходе этого обсуждения были намечены основные направления архивного поиска, связанные прежде всего с огромными лакунами в биографии мыслителя до 1873 года (начальная дата известной исследователям переписки). Так, энциклопедия должна будет окончательно прояснить происхождение матери Федорова, о которой пока известно лишь, что это была «дворянская девица Елизавета Иванова». Своего детального восстановления ждет также путь Федорова-педагога, в течение 14 лет читавшего историю и географию в уездных училищах Липецка, Богородска, Углича, Одоева, Богородицка, Боровска, Подольска.

Кроме того, запланировано провести обзор всех архивов, в которых присутствуют или могут присутствовать материалы, связанные с Федоровым. Среди них есть и прекрасно разобранные, как, например, архив Н.П. Петерсона, ближайшего друга, последователя и публикатора Федорова, и до сих пор почти не исследованные, как собрание документов историка С.А. Белокурова, ключевого участника инициированного Федоровым в 1894 году проекта собирания сведений об обыденных храмах. Также ученым предстоит скрупулезно просмотреть архив К.Э. Циолковского, его переписку — на предмет возможного фигурирования там имени Н.Ф.Федорова. По предположению Анастасии Гачевой, родоначальник космонавтики мог общаться с Федоровым не только в юные годы, когда проходил свои университеты самообразования в библиотеке Румянцевского музея, но и позднее, когда Циолковский занимался теорией и конструированием цельнометаллического дирижабля и работал над трудом «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Убедительный образ словарной статьи как исследования был дан историком, ведущим специалистом Отдела публикации архивного фонда Центрального государственного архива г. Москвы *Александром Балакиревым*, которому предстоит руководить разработкой энциклопедической темы музея.

Помимо анализа полемики Федорова с традиционным «музеем как собранием вещей» и его собственного проекта «музея как собора лиц», ключевого орудия всеобщего воскрешения, в статье будет сделана попытка уточнить эту теорию реальным комментарием. По мысли Балакирева, федоровская философия музея укоренена в современном ему международном музейном ренессансе конца XIX века, когда музейщиков и социальных философов Европы, а равно и отечественную народническую интеллигенцию одинаково привлекала и вдохновляла идея этого института как воплощения демократического разума, преодолевающего противоречия ученых и неученых, труда и капитала, слова и дела, выводящего жизнь общества на новые рубежи.

Это установление исторической обусловленности федоровской темы музея было поддержано указанием на типологически близкие ей актуальные теории и практики, которое предприняла музеевед, в недавнем прошлом замдиректора Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина по выставочной деятельности и международным связям *Зинаида Бонами*. Говоря о сходстве Федоровского музейного проектирования и так называемой «новой музеологии», возникшей на рубеже XX–XXI веков как междисциплинарная сфера знания, подпитываемая современной социологией, философией, теориями памяти и информации, она указала на фундаментальный выбор этой последней в пользу человека, сообщества зрителей, а не музейной коллекции. «Та идея, что преподносится новой музеологией, связана с интроверсией, а конкретно — с внутренним чувством тоски, утраты, вызванным вынужденным разрывом человека с прошлым. Именно таковы истоки создания архива или музея в работе Жака Деррида "Архивная лихорадка". Это преодоление некоей внутренней травмы, возвращение домой...» — отметила Зинаида Аматусовна, указав на необходимость установить в энциклопедии корреляцию таких выражений Федорова, как «восстановление», «воскрешение», «восстановительный музей», с современными понятиями из областей музеологии, антропологии, исследования памяти («ревивализм», «культурная память», «мнемософия»).

Во многих выступлениях конференции речь шла о том, что готовящаяся энциклопедия послужит ощутимой переоценке масштабов интеллектуального контакта Федорова с выдающимися российскими мыслителями XX века. *Анастасия Гачева* и кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ *Оксана Седых* показали это на примере Владимира Соловьева и Павла Флоренского, отметив, что они сближаются с Федоровым своей критикой «позитивного» разума и кабинетной мысли, постановкой вопроса о человеке как «центре всеобщего сознания природы», трактовкой истории как богочеловеческого процесса, образами живого музея, литургии, философии культа.

О том же, но уже в связи с лидером российских аграрников 1920-х годов, одним из самых авторитетных в сегодняшнем мире отечественных социологов Александром Чаяновым, его темами особой, отличной от рыночной крестьянской экономики, кооперативной самоорганизации селян, проектом Института общественной агрономии, посвященного выстраиванию связей между «учеными» аграрниками и «неученым» крестьянским миром, говорил кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС *Александр Никулин*.

Отметим также интереснейший блок докладов, посвященных философии техники у Н.Ф. Федорова.

Евгений Кучинов, кандидат философских наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета,

рассмотрел взгляды Федорова на технику как проектирование и прощупывание новых возможностей человеческого организма, который должен обрести «полноорганность», стать самопитающимся, самовосстановляющимся, способным к безграничному перемещению и действию уже без помощи орудий. Их он поставил в параллель с идеей анархо-био-космистов братьев Гординых о технике как предельном изобретении, введении в мир небывалого, метафорой чего в их утопии «Страна Анархия» оказывается выход в космос. «Есть совершенно загадочный образ и у Федорова, и у Циолковского, и у биокосмистов — образ земли как космического корабля. Совершенно непонятно, что это такое, как это вообразить? И вот, мне кажется, что земля как космический корабль — это и есть техника из утопии братьев Гординых, определяемая не через диалектику формы и материи, а через идею изобретения чего-то нового», — резюмировал Кучинов.

Тема техники как «идеальной машины», когда на первый план в ней выдвигается не собственно-техническая сущность, а мощнейший ресурс обновления человека и мира, была продолжена в докладе кандидата философских наук, доцента кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета *Николая Короткова*, посвященном представлению философии общего дела как подлинной перспективы видения и оценки научной фантастики, и обратно — научной фантастики как «пробного камня» многих идей русского космизма.

Sci-fi исключительно смело предстала здесь «как не мысль только, но и не факт, а проект» (по выражению Федорова), как воображаемое, граничащее с новым сущим, новой онтологией. «Научная фантастика, а конкретно т. н. “твёрдая” научная фантастика, уделяющая внимание прежде всего вопросам науки и техники, это прообраз того самого коперниканского творчества, о котором пишет Федоров, говоря, что искусство должно создавать не мертвые подобия реальности, а преобразовывать саму реальность», — заявил докладчик. Показательно, что после этого решено было включить научную фантастику в словник готовящейся энциклопедии.

Впрочем, наиболее «проективным» из сообщений конференции, во всяком случае ближе всего отвечающим здесь федоровскому правилу «не отделять знания от действия» (где «знание» касается прежде всего ответа на вопрос «почему сущее умирает?»), следует признать выступление протоиерея *Андрея Дударева*, клирика храма свт. Пантелеимона в г. Пушкино и одновременно директора Дачи-музея В.В. Маяковского, озаглавленное «Практика воскрешения. Снесенные кладбища 1920–1930-х гг. Опыт определения места захоронения и идентификации останков (К вопросу о восстановлении могилы Н.Ф. Федорова)».

«Может быть, Федоровское учение о воскресении как следствие научно-технического прогресса — и не бред. Может, это и будет следствием научно-технического прогресса, а значит, нам нужны будут останки, чтобы воскрешать», — рассуждая таким образом,

отец Андрей взялся за розыски утерянных в 1930-е годы могил, начав с известных жителей города Пушкино, похороненных на местном Боголюбском кладбище, превращенном в советское время в простой лес. За прошедшие с тех пор два года он, с помощью наложения прежних и современных карт, анализа метрических книг и старых фотографий, опроса старожилов, поискового щупа, собственной грубой силы (самолично перекидал 80 кубометров земли — 10 КамАЗов) и овладения методами судебно-медицинской экспертизы, нашел и установил принадлежность четырех стертых с лица земли могил. Это захоронения пушкинского купца, мецената, а с 1921 года священника Михаила Семеновича Шарикова, его супруги Александры Васильевны Шариковой и их маленького сына Сергея. Четвертая могила, обнаруженная на месте бывшей Боголюбской церкви (сейчас там гаражный городок), под 50 кубометрами мусора, принадлежит Сергею Дмитриевичу Лебедеву, ее настоятелю.

Федоров писал: «В отношении сына к отцу, внука к деду и вообще потомка к предку заключается не одно только знание, но и чувство, которое не может ограничиться представлением, мыслью, а требует видения, личного отношения, требует быть лицом к лицу». Эта фраза вспомнилась, когда, дойдя в своей презентации до фотографий найденных им останков, отец Андрей сказал: «Я специально показываю, чтобы вы увидели красоту. Когда мы ждем воскресения, все встает на свои места, ты понимаешь, что смерть не лишает человека его положения, его красоты, его величия». Кроме того, он заявил, что на сегодня «христианство раскрыло только порядка 10–15 процентов своего потенциала. И золотым ключиком ко многим церковным ценностям и дарам Духа Святого являются те предметы, которых мы сегодня коснулись».

На данный момент отец Андрей находится в одном шаге от того, чтобы найти в Пушкино могилу знаменитого художника-авангардиста, последователя Н.Ф. Федорова Василия Чекрыгина и в двух шагах от того, чтобы восстановить место упокоения самого автора «Философии общего дела», похороненного в Москве, на бывшем кладбище Скорбященского монастыря (сейчас это Новослободский парк).

Думается, что это станет главным событием юбилейного для Федорова 2019 года, когда будет отмечаться 190-летие философа воскрешения.

A “common-task” type encyclopedia. On the XVII International Scientific Readings in memory of N.F. Fedoorov (7th of June — 10th of June, Borovsk — Moscow)

Anna Gorskaya, Chief-Biblographer at the Fedorov Museum-Library, Moscow. Profsoyuznaya str., 92. gorskaja@gmail.com